

УДК 2-43(045)

*Е.В. Кондратьева***РОЛЬ ОБЩИНЫ В ПРОВЕДЕНИИ ОЧИСТИТЕЛЬНОГО ОБРЯДА
СУРЕН ШУККЫНЫ/СЁРЕН (УДМУРТЫ И ЧУВАШИ)**

Община являлась основной социальной ячейкой, в рамках которой протекала жизнь большинства населения дореволюционной России. Именно община осуществляла функцию социального контроля, передавала многовековой опыт поколений, выполняла функцию социальной памяти, регулируя поведение людей в определенных повторяющихся ситуациях. На сельских сходах принимались решения о проведении тех или иных народных праздников и обрядов. В статье на основе полевых материалов, архивных источников и опубликованных материалов рассматривается роль общины в проведении инвариантного удмуртского и чувашского обряда изгнания/выпроваживания духов предков, а также злых духов из деревни – *сурен шуккыны/сёрен*. Исследуемый обряд относился к числу общесельских очистительных обрядов, цель которого – предотвратить несчастья и недуги или приостановить их распространение. Непосредственное руководство над обрядом принадлежало старикам. Будучи хранителями традиционных обычаев и патриархальных устоев, они – в лице почтенных старцев, глав семей, молельщиков, и знахарей – руководили практически всей ритуальной жизнью: инициировали проведение общесельских и межсельских молений, обрядов. Участниками обряда были как взрослые, так и молодые общинники.

Ключевые слова: сельская община, обряд, удмурты, чуваша, *сурен шуккыны, сёрен, вирём, Шайтан*, изгнание злых духов.

Крестьянская община характеризуется не только как социальный и хозяйственный институт, но и как религиозная общность, через которую происходит интеграция духовной жизни семей. Целостность общины идеологически выражали общинные культы, которые утверждали неразрывную связь между их сочленами, общиной, ее землей и, как правило, находились в ведении сельской общины. Удмуртский *бускель* и чувашский *пуккил* отличались стойкостью патриархальных традиций и уравнивательных норм. Несомненно, этот фактор сыграл свою роль в сохранении выработанных веками элементов в проведении народных праздников и обрядов.

Одним из интересующих нас обрядов, распространенных среди удмуртов и чувашей было изгнание/выпроваживание злых духов, болезней и духов предков. Этот обряд входит в цикл очистительных обрядов и получил название *сурен шуккыны* у удмуртов, *сёрен (вирём)* у чувашей.

Согласно этимологическому словарю В. Г. Егорова, слово *сёрен* имеет общее происхождение с тюрк. *сурен* – боевой клич, воинственный крик; кирг. *сүрөн* – боевой клич; казахск. диал. *сүрен* – крик, шум; алт. *сүр*, узб. *сур* – гнать [14. С. 189]. В. В. Радлов также возводил его к тюркскому корню *сүр*, то есть «гнать, прогонять» [21. С. 594], что, по мнению исследователей, означает «изгонять». Отметим, что у удмуртов словосочетание *сурен шуккыны* использовалось при характеристике обряда изгнания духов «букв. шумом побить, битье шумом» [10. С. 125].

Важно также подчеркнуть, что существовали и другие удмуртские названия, характеризующие этот обряд: *шайтан ветлон* [18. С. 23], *пучо шуккон* «бить вербой» [15. С. 28; 6. С. 101], *урбеч уллян* [11. С. 52]. Так было и у чувашей. Одни исследователи выделяют *вирём* отдельным обрядом [17. С. 255]. Другие объясняют термин *вирём* влиянием и православных обрядов [22. С. 21]. Этот термин встречался только у чувашей Ядринского уезда.

Возможно, что слово *вирём* имеет более глубокие корни и финно-угорское происхождение. Так, у венгров *vér* означает «кровь» [8. С. 782]. Аналогично у удмуртов и коми – *вир* [27. С. 122; 19. С. 57], у марийцев – *вёр, вёр* [13. С. 195], у мордвы – *вер, верь* [23. С. 232], у финнов – *veri* [28. С. 565] означает «кровь». Слово «кровь» на чувашском переводится как *юн*. Этим же словом определяется день недели – среда – *юн кун* – у чувашей; у удмуртов – *вир нунал* «день крови», то есть жертвоприношений. В древности у чувашей, как и у татар, неделя была пятидневной, а среда являлась серединой недели. Согласно одним исследователям *мункун* (Пасха) длится пять дней, а по другим – неделю; в последний день недели (в пятницу) чуваша проводили *сёрен/вирём*. Таким образом, можно предположить, что *вирём* с финно-угорским корнем *vir/ver*, связан с родовым праздником *мункун*, а появление другого названия для описания этого обряда, возможно, обусловлено локальной особенностью этнографических групп исследуемых языков.

Большинство исследователей склонно считать *сёрен* праздником изгнания из жилищ и деревни душ умерших, пришедших на традиционное угощение. Более точным представляется мнение М. Я. Сироткин, назвавшего *сёрен* обрядом выпроваживания духов предков, а также злых духов и болезней [25. С. 12-13]. Его проводили ежегодно всем селом.

Согласно многим источникам, чуваша проводили *сёрен* накануне Пасхи [1]. Дореволюционные исследователи писали, что удмурты проводили обряд или в ночь на вербное воскресенье, то есть в Лазареву субботу [9. С. 79; 12. С. 101] или на Страстной неделе [7. С. 161]. Есть материалы, в которых дата проведения обряда связана с пасхальной неделей [2], также на другой день после Пасхи, в понедельник [4]. Мы видим, что Пасха была ориентиром для установления обряда *сурен шуккыны/сёрен*. Заметим, что в некоторых удмуртских селениях *Шайтана* изгоняли в канун праздника Богоявления Господня [18. С. 23], а орудием изгнания служили деревянные молотки, потому сам обряд и получил название *чукмор* (молоток, дубина) [15. С. 29].

Община специально собирала сход (обычно в доме или в бане на окраине) для решения организационных вопросов проведения обряда. Выбирали должностных лиц для руководства проведением общесельского обряда: главу обряда, молельщика, сборщика податей. Следить за порядком назначали казака, для игры на инструменте – музыканта и т. д.. Удмурты приглашали *туно* – главного хранителя веры. По его ворожбе-рекомендации выбиралось место для жертвоприношения *Кереметю*, а также определялся вид жертвенного животного. Сам обряд проводился и в деревне, и в священной роще. Обычно каждая удмуртская деревня имела свою священную рощу – *Луд*, располагавшуюся, как правило, на возвышении, вершине горы [16. С. 129]. По свидетельству В. М. Бехтерева, *туно* накануне или в день схода отправлялся в *Луд* и спрашивал *Керемета* о требуемой жертве. Назначив определенный вид жертвенного животного, *туно* клал по цвету шерсти животного лоскут в ящик, привязанный к елке, при этом уверял удмуртов в том, что этот лоскут положил сам *Керемет*. Затем он приходил на сельский сход и объявлял, что *Керемет* потребовал быка или лошадь, например, черной масти [7. С. 161].

Участниками обряда были и старики, и молодые люди. Для проведения обряда чуваша собирались дома. У чувашей приходили в дом дети, но их было мало. Они приносили с собой полено с ямочкой. Один из выбранных у них спрашивал: «Имеются ли у вас палочки с ямочкой для клопов? Есть ли там клопы?». Те показывали. Старики в это время сидели за столом, и пили пиво. Затем пели, а дети возвещали: «Сёрен! Клоп! Клоп пожирает клопа, таракан поедает таракана!». Таким образом, они отгоняли всю нечистую силу. В этом доме из пищи были представлены каша, яйца, калач и пиво как жертвоприношения божеству *Турй*. Вначале сажали за стол хозяина и наливали ему кружку пива. Присутствующие опускались перед ним на колени. Всех благословляя, хозяин давал наставления присутствующим: велел не оставлять старинные обычаи, не выдумывать новые, не ссориться, почитать стариков. После этого к молодежи обращался глава обряда. Он призывал соблюдать обычаи дедов и просил у *Турй* помощи в проведении обряда. Сначала божеству кланялся предводитель обряда, а за ним – все остальные. Вслед за этим действием закрывали в хлев детей, вооруженных прутьями, и выпускали по одному, ведя с каждым диалог:

- Ходил ли на *сёрен*?
- Ходил!
- Приготовил ли пруттик?
- Приготовил.
- Не обрывал ли на нем цветочные почки?
- Не обрывал [24. С. 51].

Затем мальчиков несколько раз ударили прутиком и выпускали из хлева.

Подчеркнем, что цветочные почки вербных палочек означали плодородие, жизненную силу и возрождение. Раньше в проведении обряда принимали участие главным образом старики. Затем их роль сводилась к руководству молодежью.

Интересно заметить, что иногда удмурты, вооруженные дубинами и бичами, решали на сходе, куда отгонять *Шайтана*: одни считали, что его нужно прогнать в поле, потому что от этого скот ведется лучше, другие – в лес, чтобы застраховать скот от хищных зверей, третьи – в луга, чтобы больше уродилось травы [18. С. 24].

У обоих народов, согласно источникам, злых духов изгоняли верхом на лошадях. Особенностью этого обряда было изготовление свежих рябиновых, шиповниковых, черемуховых, ивовых и

вербных прутьев. Двигаясь по улице, обходчики старались издавать как можно больше звуков и возгласов. Для этого использовали все имеющиеся средства: трещотки, волынки, балалайки, гусли, прутья, косы и т. д. Они били во все дома и ворота. Удмурты кричали: *Верба кысьтырь* «Верба шумит» [12. С. 101], «Не я бью, верба бьет» [29. С. 186]. Чуваши: «Злое – уходи, доброе – приходи!». В этот день все старались проснуться рано [3]. Спящих стаскивали с постели и выноси на улицу, там их «угощали» лозой, говоря: «Хворь-болезнь, уходи». В д. Непременная Лудзя отмечали, что в день изгнания злых духов старики стреляли из ружья в воздух, а малыши ходили по домам и собирали крупу, масло, яйца. Участвовали в сборе продуктов 5-6-летние мальчики, в частности, и его младший брат. Потом все вместе ели кашу. Кашу называли «каша для ума или умная каша, крупа» [5]. Важно отметить, что если сборщикам давали деньги, то их делили между участниками.

Потом совершали обход по домам и собирались в том доме, где были в начале обряда. Бывали случаи, что участники обряда шли к реке и там варили кашу. Здесь из собранных продуктов начинали трапезу и молились. Пройдя по всем улицам, участники обряда выходили на западную окраину деревни. Это место могло находиться за околицей, в поле, на склоне горы, у дерева, у оврага, в лесу, у кладбища, за гумном. Но во всех случаях соблюдали одно требование – место должно быть сакрально чистым [3]. На месте проведения обряда чуваши сначала проводили обряд катания яиц. Совершать молитвословие приходил старик, который считался главой обряда, молился он, держа шапку за пазухой: «Глава кладбища (имя), пусть будет пред тобой. Поевши-уготившись, уходите обратно». Затем все хором три раза кричали: «Сёрен!». В какую сторону покатится эхо, на той стороне, говорили, в этом году будет хороший урожай.

Подобным образом было и у удмуртов. Чтобы услышать эхо, они ложились на землю и прислушивались. Если слышался лай собаки или кряканье утки, то считалось, что год должен быть урожайным, ржание лошади предвещало хороший год, мычание коровы, плач – плохой [30. С. 191-192]. После трапезы участники обряда брали в руки по одному прутику, ломали их на четыре части и все вместе бросали в овраг, туда же бросали трещотки, предварительно разбив их. Действие сопровождалось главой обряда словами: «Пусть хворь-болезнь уходит, пусть уберутся из деревни тяжелые болезни и большие беды». Оставшиеся прутья, трещотки, а также принесенную солому складывали вместе, и из них глава обряда зажигал костер. Огонь рассматривался как посредник между божеством и участниками обряда, передававший жертву и просьбы молящихся. Перепрыгивание через огонь, естественно, способствовало очищению людей от недугов. По мнению В. М. Бехтерева, костер отгонял и хищных зверей: волков, медведей и др. [7. С. 644]. Затем через огонь перегоняли и весь домашний скот [26. С. 3].

В д. Малое Доронино, один из информантов отметил, что ивовые ветви, использованные во время проведения обряда изгнания/выпровождения духов предков, злых духов, не бросались в овраг, а клались за икону. Их же использовали в первый день выгона скота: нахлестывая скот, чтобы уберечь его от болезней, а затем хранили до следующего Великого четверга [6]. В данном случае мы видим проявление религиозного синкретизма. Отметим, что уже в конце XIX – начале XX вв. проведение традиционных праздников и обрядов нередко приурочивалось к церковным праздникам (Рождеству, Крещению, Пасхе, Троице). На чувашские и удмуртские моления на лугу и в лесу приходили православные священники. Они читали молитвы, приносили иконы, освящали после моления мясо жертвенного животного, затем удалялись или участвовали в дальнейшем пиршестве. Известно, что в сохранившихся в конце XIX в. *куалах* иконы стояли рядом с *Воршудом*.

В день проведения *сурен шуккыны* удмурты считали необходимым мыться в бане в воде с серебряною монетою, поскольку такая вода считалась священной. Удмурты запасались ею на целый год для лечения различных недугов [7. С. 644]. Затем плясали под музыку и, приплясывая, заходили в воду, дополнительно очищаясь от всех болезней. С восходом солнца снимали верхнюю одежду и бросали вверх с криком: «Пусть вся хворь уйдет! Сёрен!». Заметим: чуваши, уходя, оставляли на месте проведения обряда живую курицу в качестве сидоровой козы, а сами убегали быстро, не оборачиваясь, ибо считали, что отставший от всех вскоре умрет.

По словам Г. Е. Верещагина, изгнание из деревни *Шайтана (Шайтан ветлон)* проходило так: «Когда зажгутся во всех избах огни, парни и девушки, собравшись у кого-нибудь в конце деревни, берут в руки по ивовому прутику, идут с шумом, визгом и гиканьем на другой конец деревни и заходят в последнюю избу. Зайдя, хлещут прутиками стены, лавки, пол, углы и людей, особенно лежащих на постелях, говоря при этом: *Нервач, нервач!* “Стегай, стегай!”». Затем хозяин дома зажигает лучину

и выходит с ней на двор; за ним идет и вся толпа молодежи. Кто-то берет лучину в руки и бросает ее в товарища, а тот опять бросает ее в другого. Так что пока искрится на лучине огонек, все бросают ее друг в друга. Когда на лучинке не будет никаких признаков огня, говорят хозяину: "Ну, ступай в избу: шайтана выгнали". После того как они обошли дома, шли с огарками за деревню и сжигали там остатки своих прутьев. После этого ритуала возвращались домой» [9. С. 79].

Интересные сведения о *сёрен* в Чебоксарском уезде оставил В. К. Магнитский, который выписал их из уголовного дела, возникшего по следующему обстоятельству. Чуваш из деревни Айдарово, околотка Акчур, Бичуринского прихода, Яков Филиппов подал в Воскресенское волостное правление письменное прошение в село Бичурино, в котором объяснил, что 24 апреля 1869 года в четверг на Пасхе по старинному обычаю, у них в деревне собралась для сбора яиц толпа мальчуган от 14 до 20 лет и с деревенским старостой во главе, забрались они и к Филиппову с требованием угостить их. Сам же Филиппов верил в истинного Бога и вместо угощения просил толпу удалиться, но староста, настаивая на выполнении обряда, ударил Филиппова по плечу и оторвал рукав рубахи. О самом обряде Филиппов отметил, что «впереди шел староста, а за ним – участники обряда и говорили: "Идет полк, давай 200 яиц". Домохозяин, по старинному обычаю, должен был дать сборщику два яйца, выставить на двор стол, угостить толпу пивом, а если может, то и вином» [20. С. 128].

Таким образом, изучение роли сельской общины в проведении обряда *сурен шуккыны/сёрен* показало сохранность архаических элементов, присутствие общих черт в их обрядовом комплексе. *Бускель* и *пуккил* по сравнению с общинным устройством других народов Среднего Поволжья была менее подвержена разрушающему действию товарно-денежных отношений. Даже в ходе ликвидации сельской общины в период создания колхозов, разрушения ее экономической основы, традиции не ушли в прошлое, а продолжали жить еще долгое время. Исследуемый обряд со временем приобрел развлекательный характер, так как основными действующими лицами становились исключительно дети. Уже в начале XX в. исчезли ритуальные действия, связанные с гаданием и провожанием веток, а также более ярко стали проявляться принципы религиозного синкретизма.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

алт. – алтайский
казахск. – казахский
тюрк. – тюркский
узб. – узбекский

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (*далее* НА ЧГИГН). Отд. 1. Ед. хр. 150. Л. 468.
2. НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 151. Л. 27.
3. НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 210. Л. 228.
4. НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 619. Л. 149.
5. Полевые материалы автора (*далее* ПМА). 2014 г. Сообщение Дмитриева Василия Петровича 1928 г. р., д. Непременная Лудзя Завьяловского р-на УР.
6. ПМА. 2014 г. Сообщение Юшковой Зинаиды Степановны 1941 г. р., д. Малое Доронино Юкаменского р-на УР.
7. *Бехтерев В.* Вотяки, их история и современное состояние: Бытовые и этнографические очерки, I–III // *Вестник Европы*. Т. 4. СПб., 1880. Кн. 8. Т. 4. С. 621-654; Кн. 9. Т. 5. С. 141-172.
8. Венгерско-русский словарь. *Magyar-ország szótár*. Москва; Будапешт, 1974.
9. *Верещагин Г. Е.* Вотяки Сосновского края // *Собр. соч.* В 6 т. Т. 1. Ижевск, 1995.
10. *Владыкина Т. Г., Глухова Г. А.* Ар-год-берган: Обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск, 2011.
11. *Владыкина Т. Г., Глухова Г. А.* Дни недели в системе представлений удмуртов о времени // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2011. Вып. 3.
12. *Гаврилов Б. Г.* Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда, Урьясь-Учинского прихода // *Труды четвертого археологич. съезда в России*. Т. 2. Казань, 1891.
13. *Гордеев Ф. И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. 2. Йошкар-Ола, 1983.
14. *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
15. *Емельянов А. И.* Курс по этнографии вотяков. Очерки старинных верований и обрядов у вотяков. Казань, 1921.

16. *Загребин А. Е.* Финны об удмуртах. Финские исследователи этнографии удмуртов XIX – первой половины XX в. Ижевск, 1999.
17. *Комиссаров Г. И.* Чуваши Казанского Заволжья. Уфа, 1999.
18. *Кошурников В.* Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии // Известия общества археологии, истории и этнографии. Т. 2. Казань, 1880.
19. *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
20. *Магнитский В. К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881.
21. *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 4. СПб, 1905–1906.
22. *Родионов В. Г.* О системе чувашских языческих обрядов // Чувашская народная поэзия. Чебоксары, 1990.
23. Русско-мокшанский словарь / Сост.: С. Г. Потапкин, А. К. Имяреков. М., 1951.
24. *Салмин А. К.* Система религии чувашей. СПб, 2007.
25. *Сироткин М. Я.* Чувашский фольклор: очерк устно-поэтического народного творчества. Чебоксары, 1965.
26. *Тезяков Н. И.* Праздники и жертвоприношения у вотяков-язычников (Из записной книжки земского врача) // Новое слово. 1896. № 4.
27. Удмуртско-русский словарь / Отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008.
28. Финско-русский словарь / Под ред. О. В. Кукконен, Х. И. Лехмус и И. А. Линдрас. М., 1955.
29. *Черных А. В.* Традиционный календарь народов Прикамья в начале XIX – начале XX в. Пермь, 2002.
30. *Яковлев И. В.* Из жизни вотяков Гондырского края (общественные празднества, моления и обряды) // Известия общества археологии, истории и этнографии. Т. 19. Казань, 1903. Вып. 3-4.

Поступила в редакцию 05.09.14

E.V. Kondratyeva

A ROLE OF COMMUNITY IN CARRING OUT PURIFICATION RITE *SUREN SHUKKYNY/SEREN* (UDMURTS AND CHUVASH)

The community was the basic social association in which passed all majority life of pre-revolutionary Russia. Namely the community exercised the functions of social control, passed experience of generations and performed the function of social memory, regulating the behavior of people in certain recurring situations. The rural meetings were made decisions about carrying out national holidays and rites. On the basis of field data, archival sources and published materials is considered the role of community in carrying out the rite of exorcism of evil forces and spirits from the village – *suren shukkyny/seren*. This is rite referred to the number of purification rites, the aims of rite – to prevent the disease or halt their spread. The head of rite were old men because they directed virtually the entire ritual life. They conducted and organized the all-rural and inter-rural prayers and rites which integrated rural community. The participants of the rite were both adults and young members of the community.

Keywords: rural community, rite, Udmurts, Chuvash, Shaytan, the rite of exorcism, evil forces and spirits.

Кондратьева Екатерина Валерьевна, аспирант

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
199034, Россия, г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., 3
E-mail: kateruk1991@mail.ru

Kondratyeva E.V., postgraduate student

Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography (Kunstkamera)
of Russian Academy of Sciences
199034, Russia, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 3
E-mail: kateruk1991@mail.ru